

Б. Н. ПУТИЛОВ

Песня об Авдотье Рязаночке

(к истории Рязанского песенного цикла)

Нашествие Батыя на Русь и разорение Рязани в 1237 г. отразилось в особом цикле песен, который можно было бы назвать — как по его содержанию, так и по месту его возникновения — Рязанским.

Следы этого песенного цикла сохранились частично в «Повести о разорении Рязани Батыем»: в драматическом эпизоде о судьбе князя Федора и жены его Евпраксеи, в рассказе о гибели князя Олега, в истории о Евпатии Коловрате.¹ Неизвестный автор «Повести» привлек и использовал те из известных ему песен, которые отвечали его идейно-художественным замыслам. Одна из важных идей, последовательно развивающаяся в «Повести», — это идея о героизме и самоотверженности рязанских князей, которые не капитулировали перед превосходящими силами врага, не унизили перед ним своего достоинства, решительно выступили на борьбу, повели за собой рязанцев и сами первые «смертную чашу испиша». Задачам героизации рязанских князей как раз и отвечали сюжеты о Федоре и Евпраксеи и об Олеге. Что же касается Песни о Евпатии Коловрате, то она была обработана неизвестным автором в духе всей идеологии «Повести»; в частности, образ Евпатия оказался тесно связанным здесь с образом князя Ингваря Ингоревича.

Несомненно, что княжеская идеология «Повести» во многом определила характер и границы использования в ней фольклора. Знал или не знал ее автор весь рязанский песенный цикл, очевидно, что какие-то произведения этого цикла остались вне его внимания. В ряду таких произведений, которые по своему содержанию, по основной идейной направленности резко расходились с «Повестью», могла стоять песня об Авдотье Рязаночке.²

Кажется, ни у кого из исследователей, писавших об этой песне, не возникало сомнений в ее большой древности.³ Все были согласны в том,

¹ См. нашу статью «Песня о Евпатии Коловрате» (ГОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, там же — библиография вопроса).

² Песня известна только в трех записях: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, издание второе, под ред. А. Е. Грузинского, т. II, М., 1910, № 182; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, издание четвертое, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, № 260; Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Изд. Гос. лит. музея, М., 1948, № 219.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским, в. VII. Приложения, М., 1868, стр. 185 (примечания П. Бессонова); Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для вузов, М., 1938, стр. 262—263; Н. П. Андреев. Русский фольклор. Хрестоматия для вузов, изд. 2-е, М., 1938, стр. 281; А. М. Астахова. Северные исторические песни. Петрозаводск, 1947, стр. 7, 53—54; Л. С. Шептаев. Русская историческая песня. — В кн.:

что в своей основе она представляет отклик на события 1237 г., хотя, быть может, в ней отложились и более поздние исторические впечатления. В вариантах песни, дошедших до нас в поздних записях, есть анахронизмы. Так, город, подвергшийся опустошению, называется Казанью. Но Казань, вошедшая с XVI в. в состав Московского государства, вражеским нашествиям не подвергалась; по-видимому, здесь мы имеем дело с обычной для северных сказителей эпической заменой одного города другим: упоминание Казани и Рязани рядом как эпических городов обычно в былинах:

А вѣдь Казань ѣны как огнем жгали,
А вѣдь Рязань ли во полон брали;

Проехал я Туредию и Швецию,
Казань, и Рязань, и Вострахань.

Эпитеты «старая» и «подлесная», встречающиеся в песне, более соответствуют Рязани (с эпитетом «старая» Рязань упоминается также в песне «Атаман польской»: «Сборник Кирши Данилова», № 53). В имени царя Бахмета, может быть, есть отголоски имени хана Ахмета, разорившего Рязань в 1472 г. Наименование этого царя турецким и земли турецкой отражает, видимо, влияние фольклора XVII—XVIII вв. с сильно развитой в нем турецкой темой.

Анахронизмы не коснулись ни сюжета песни в целом, ни ее фабулы.

Анализ сюжета обнаруживает связь песни с событиями XIII в., но эта связь своеобразна: рядом с художественно обобщенной и по-своему достоверной картиной разгрома, которому подверглась Рязань в 1237 г., основное место в песне занимает вполне вымышленный рассказ о подвиге простой русской женщины.

Песня начинается изображением вражеского нашествия и его страшных последствий для города:

Славные старые король Бахмет турецкие,
Воевал он на землю Российскую,
Добывал он старые Казань-город подлесные.
Он-де стоял под городом
Со своей силой-армией.
Много поры этой было, времени,
Да й разорил Казань-город подлесные,
Разорил Казань-де-город напусто.
Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
Да и княгинь-боярыней
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу многи тысячи,
Он повел-де в свою землю турецкую.⁴

Описание это сразу же напоминает картины татарского нашествия в былинах, но с одной существенной разницей: в былинах татарский царь грозит разорить город, уничтожить князей-бояр, увести в плен народ; но его угрозы не осуществляются: появляется богатырь, который спасает город и отбивает нашествие. Песня об Авдотье Рязаночке принципиально отличается от былины прежде всего тем, что в ней воссоздается действи-

Исторические песни, издание второе. Л., 1951 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 11; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учебник для вузов, издание пятое. М., 1953, стр. 260; Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие для вузов. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 271 (автор главы — П. Ухов); В. И. Чичеров. Русские исторические песни. — В кн.: Исторические песни, издание третье. Л., 1956 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 11, 361—362.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 370.

тельный ход событий: нашествие совершилось, и город взят и опустошен. Такие картины не в духе эпоса, но они вполне в духе исторической песни.

Мне приходилось писать в другой статье, что, вероятно, аналогичное начало, но с включением мотива похвалы вражеского царя, было и в предполагаемой песне о Евпатии Коловрате.⁵ Но там сюжет дальше развивался в героико-эпическом плане, как сюжет о мщении врагам за разорение родной земли. В песне об Авдотье Рязаночке мы имеем дело с иным сюжетом — об освобождении рязанцев из плена и о восстановлении города. Этот сюжет можно рассматривать как завершение Рязанского песенного цикла.

Тема возрождения Рязанской земли развивается и в «Повести о разорении Рязани Батыем». Заключительные ее эпизоды повествуют о том, как вернувшийся домой князь Ингварь Ингоревич погребает убитых рязанцев, совершает молитвы и оплакивает мертвых, собирает всех оставшихся в живых: «И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и манастыри согради, и пришедцы утеши, и люди собра».⁶ Не выходящий за пределы летописной достоверности рассказ строго выдержан в духе всей идеологии памятника: город возрождается божьим промыслом и стараниями князя.

С совершенно иным комплексом представлений, реализуемых совсем в иной художественной форме, мы встречаемся в рассматриваемой песне. Она тоже заканчивается картиной возрождения города: в Рязань возвращаются освобожденные Авдотьей из плена люди; Авдотья

...построила Казань-город наново,
Да с той поры Казань стала славная,
Да с той поры стала Казань-де богатая,
Да тут ли в Казани Авдотьино имя возвеличилось...⁷

Заключительные слова песни придают ей характер большого исторического обобщения: не княжескими заботами, а героическими стараниями простых людей совершается возрождение опустошенной вражеским нашествием земли.

Авдотью песня называет «молодой жenkой». И эта характеристика, и сюжет песни говорят об одном: Авдотья — не княжеского и не боярского рода, она простая горожанка, и уже одним этим она резко выделяется в ряду женских образов русской литературы и историко-песенного фольклора XI—XIII вв. В литературе немногочисленные женские персонажи всегда принадлежат к высокому социальному кругу, хотя в них и могут выражаться народные идеалы (Ярославна). Только в XV в. будет создан обаятельный образ крестьянской девушки Февронии, но он получает право на существование лишь постольку, поскольку Феврония из дома «древодельца» попадает в княжеский дворец. Заметим, между прочим, что Феврония происходит из Рязанского княжества.

В былинах женщины действуют чаще, но обычно либо как богатырши (поленицы), либо как невесты, жены, матери богатырей (разумеется, почти всегда отрицательный образ княгини Апраксии не в счет); к тому же на их долю редко выпадает в былинах ведущая роль.

Совершенно ясно, что Авдотья приходит в песню не из эпоса и не из книжной литературы. Образ Авдотьи — новый в русском песенном фоль-

⁵ ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 137.

⁶ Цитировано по тексту, подготовленному к печати Д. С. Лихачевым (ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 301).

⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 374.

клоре — полон большого художественного содержания. Подобно тому, как Евпатий воплощает непобедимую богатырскую мощь народа, так Авдотья является воплощением огромных нравственных его сил. Героев этих роднит самоотверженная устремленность помыслов; оба они служат общенародному делу, во имя которого совершают свои подвиги. Оба они не просто одерживают победу: в песнях идет речь о полном моральном торжестве над чужеземными насильниками, которые обладают временно преимуществом в физической силе, но которые в конечном счете вынуждены признать нравственное превосходство своих противников. Так, Батый высоко оценивает мужество Евпатия и воздает ему почести; так, Бахмет оказывается покоренным героизмом Авдотьи и ее мудростью и разрешает ей увести домой весь полон.

Сам художественный замысел песни исключал возможность создания сюжета, в основу которого было бы положено эмпирическое воспроизведение событий и фактов, и требовал создания вымышленной фабулы. И здесь мы видим тот же случай, что и в песне о Евпатии Коловрате. Но если сюжет последней складывался во многом на почве традиций эпоса, то в сюжете об Авдотье Рязаночке явственно ощущается воздействие сказки. В мир волшебного-героического сказки вводят нас прежде всего «три заставы великие», которые воздвигает Бахмет на пути в свое царство:

Первую заставу великую —
 Напускал реки, озера глубокие;
 Другую заставу великую —
 Чистые поля широкие,
 Становил воров-разбойников;
 А третью заставу — темны лесы
 Напустил зверьев лютых.⁸

По-сказочному же преодолеваются Авдотьей эти препятствия, и в ее облике открываются черты героини сказок, которая проходит через труднейшие испытания благодаря своей смелости, настойчивости и самоотверженности.

Преодоление трех застав — первая победа героини на пути к полному успеху. Но, как это обычно в сказке, ее ожидает еще одно испытание, не менее трудное. Теперь испытываются ее ум, ее нравственная убежденность. Авдотья Рязаночка должна, подобно сказочной «мудрой деве», решить своеобразную задачу, предложенную царем:

Говорит ей царь Бахмет турецкий:
 «Ты, Авдотья-женка Рязаночка!
 Когда ты умела пройти путем да и дорогою, —
 Так умей-ка попросить и головушки
 Из трех единых.
 А не умеешь ты попросить головушки, —
 Так я срублю тебе до плеч буйну голову».⁹

Этот момент в песне наиболее драматичен, и разработан он в манере того нарастающего драматизма, какой чаще всего встречается в русском фольклоре в балладных песнях. Авдотья по очереди отказывается выбрать в качестве «единых головушки» мужа, отца, мать, сына, дочь, зятя, сноху. Она выбирает брата, обосновывая свой выбор тем, что «не нажить-то мне... да милого-то братца любимого». В ответе Авдотьи, в ее выборе есть та своеобразная сказочная и эпическая мудрость, которая полна большой художественной правды, хотя и не всегда совпадает

⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 370.

⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, стр. 555.

с правдой эмпирической.¹⁰ Мудрый ответ Авдотьи является тем единственным решением загадки, которое требовалось по логике сюжета. В вариантах успех Авдотьи объясняется психологически: упоминание ею брата вызывает воспоминание у Бахмета о том, как во время нашествия на Рязань у него убили «милого братца любимого, славного пашу турецкого», и он, якобы тронутый этими воспоминаниями, отпускает с Авдотьей весь полон. Возможно, что такое психологическое объяснение не принадлежит исконной форме песни; во всяком случае оно не представляется необходимым, если учесть обязательность единственного выбора.

Историко-песенный фольклор XIII—XIV вв. знал и другие случаи обращения к опыту народной сказки, причем — что характерно — все они связаны с сюжетами, в которых главную роль играют женские персонажи. Здесь нет возможности подробно излагать материал, укажу только, что речь идет о песнях, которые занимают промежуточное положение между историческими и балладными: «Князь Роман и Марья Юрьевна»,¹¹ «Девушка спасается от татар»,¹² «Мать встречает дочь в татарском плену».¹³ Можно было бы показать, что обращение к традициям сказки в этих произведениях обусловлено в первую очередь тем, что все они, как и «Авдотья Рязаночка», являлись во многих отношениях новыми, необычными для песенного фольклора; в них открывались такие стороны действительности, ставились такие проблемы и выдвигались такие герои, которых эпос не знал. Не знала их, по существу, и сказка; но народное творчество обнаружило в сказке определенные художественные элементы, переработка которых в духе новых поэтических задач была по-своему плодотворной. Под воздействием сказки сложились в историко-песенном фольклоре (как позже в книжной литературе) обаятельные образы простых русских женщин, в которых не было ничего от эпической фантастики и гиперболы, в которых высокие черты народного характера — нравственная стойкость, самоотверженная преданность большой цели, ум и терпение — раскрывались и через поэтически вымышленные (в сказочной манере) мотивы, и через бытовые и психологические подробности.

В ряду этих фольклорных образов Авдотья Рязаночка по праву занимает первое место. Песня об Авдотье Рязаночке непосредственно соприкасается в плане идейно-тематическом с кругом песен о татарском полоне, которые были созданы, надо думать, несколько позже, уже в условиях татарского ига. При всем сюжетном разнообразии этих песен их роднит одна характерная особенность: общенародного значения тема — страдания русских людей под игом татар — раскрывается здесь через изображение судьбы одной семьи. Судьба эта всегда трагична: девушку татары увозят из родного дома; полонянка просит родителей выкупить ее из неволи; брат отбивает сестру у татар; мать, взятая в плен, находит дочь и внука... Татарское иго предстает в этих песнях как жестокая сила, которая неожиданно врывается в жизнь семьи, исторгает людей из родной среды. Свобода ассоциируется здесь с возвращением на родину. Герои песен ведут

¹⁰ Мотив выбора брата может быть рассмотрен как очень архаичный, отражающий пережитки бытовых отношений и представлений родового общества. Вопрос этот не имеет, впрочем, прямого отношения к уяснению содержания песни, но он интересен в плане изучения генезиса тех художественных традиций, которые питали старшую историческую песню.

¹¹ См., например: А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, № 117 (№ 421).

¹² Живая старина, 1905, в. III—IV, стр. 293—294, 336—337.

¹³ См., например: Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Л., 1936, №№ 67, 68; Песни, собранные П. В. Киреевским, в. VII, стр. 190—207.

борьбу за свою семью, за восстановление насильственно порванных семейных связей. Можно заметить, что на первый план в этих песнях всегда выдвигаются связи кровно-родственные (мать—дочь—внук, сестра—брат), а не супружеские, что говорит, быть может, об архаичности истоков этих мотивов.

Борьба за семью, которая ведется в песнях, это борьба за право на нормальную жизнь; в связях родственных, которые упорно подчеркиваются в сюжетах песен, воплощаются более широкие связи — с родной землей, с народом. Если в других песнях эта сторона часто только угадывается, то в «Авдотье Рязаночке» она выступает совершенно определенно. Авдотья совершает труднейшее странствие в турецкую землю, чтобы вызволить из плена кого-нибудь из своих родных. Но по логике сюжета получается, что именно ее бесконечная преданность родственным связям, ее самоотверженная привязанность к близким дают ей возможность совершить подвиг общенародный.

Если бы в песне об Авдотье Рязаночке содержание ограничивалось рамками семьи, а события общенародные служили бы лишь фоном, песню эту следовало бы безоговорочно причислить к балладам, так как именно для произведений этого жанра типично подобное ограничение. Но в песне об Авдотье Рязаночке события решительно выходят за пределы одного дома, они приобретают поистине общенародный характер и общенародное значение. Две основные темы произведения — освобождение русских людей из плена и устройство разрушенной нашествием земли — имеют совершенно определенный исторический характер. Поэтому несмотря на наличие элементов баллады песня об Авдотье Рязаночке с полным правом может быть причислена к историческим.

Перед нами — ранний образец этого жанра. В песне отражена конкретная история. Но в еще большей степени в ней выражена историческая воля народа. Сюжет песни вымышлен, так же, как, по-видимому, вымышленным является и образ героини ее. Но этот вымышленный сюжет соотнесен с конкретными историческими событиями, он развивается в рамках подлинной истории. Перед нами — совершенно тот же художественный метод, что и в песне о Евпатии Коловрате, реализация в иных формах тех же принципов отношения к действительности. Создается впечатление, что обе песни вышли из одной художественной школы, сложились в одно время; их связывает общность тематическая, общность художественная.

Но судьба этих песен оказалась различной. Песня о Евпатии Коловрате была, по-видимому, вытеснена из живой фольклорной традиции героическими былинами, с которыми она прочно связана; неизвестный писатель XIII в., еще знавший ее, переработал ее сюжет в своей «Повести о разорении Рязани Батыем». Песне об Авдотье Рязаночке не могло быть места в этом произведении книжной литературы, так как она всем своим содержанием утверждала идею о том, что народ сам, без участия князей, может возродить свою землю. Самобытность сюжета, законченность и полнота центрального образа, значительность идей, совершенная художественная форма обеспечили этой песне большую жизнь.

Песня об Авдотье Рязаночке — единственная сохранившаяся в прямых фольклорных записях часть Рязанского цикла. Изучение ее позволяет сделать вывод о том, что цикл этот в целом несомненно был крупным явлением русского историко-песенного фольклора XIII в. и сыграл свою важную роль в развитии в народном творчестве новых методов художественного отражения истории.